

УДК: 316.4; 321.02, 323.2.

ББК: 60.59; 66.0, 66.2, 66.6

Салахутдинова Резеда Халыфутдиновна

– канд. социол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: rezeda_soc@mail.ru

Баранец Сергей Николаевич –

канд. философ. наук, доцент,
Северо-Западный институт управления
РАНХиГС, г. Санкт-Петербург
e-mail: brnts@rambler.ru

МОЛОДЕЖЬ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Ключевые слова: региональная политика, воспроизводство, идентичность, социокультурный потенциал, развитие молодежи, миграция и интеграция.

Актуальность темы обусловлена необходимостью социологического и политологического осмысления роли молодежи в воспроизводственном процессе становления и развертывания социокультурного потенциала регионов современной России. Говоря о воспроизводственном потенциале современной молодежи, рассуждая о ее возможностях и имея в виду ее возможные субъектные позиции в определении перспектив развития страны в ближайшем и отдаленном будущем, есть резон исходить из реального состояния дел и практик государственного строительства, бизнес-процессов и становления гражданского общества, не занимаясь специальным конструированием познавательных предпосылок и идейных оснований реальности социума в стиле, к примеру, П. Бергера и Т. Лукмана. Не имея ничего против их талантливых и вдохновляющих эссе, мы все же полагаем необходимым следовать классической и явно не до конца понятой и исследованной для нужд современности традиции материалистического прочтения истории и социальных порядков.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00862.

Кроме того, актуализация темы, выбранной для данной статьи, связана с совокупностью других факторов, отображающих современное состояние и перспективы реализации политики регионального развития России, которая после выхода в свет известного Указа № 13 Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹ стала официальной политической платформой и проектным ориентиром и руководства страны, и ее активного населения.

Хорошо известно, что необходимым условием сохранения целостности общества является процесс воспроизводства социокультурного потенциала, основным субъектом которого, исторически, является молодежь, которая, в свою очередь, во многом зависит от экономического и социально – психологического благополучия в месте ее пребывания, статуса в настоящем и перспектив в обозримом (ожидаемом) будущем, а также отношения к молодым, сложившемуся в данной части социального континуума исторически или под воздействием актуальных обстоятельств. При этом функции, которые имманентно присущи (заложены в природу) самой молодежи, как социально-демографической группы и призваны ориентироваться на особые, только ей присущие целевые параметры в обществе, во многом определяются набором ее потенциалов, субъектной (в разной степени активной) жизненной позицией и, конечно, условиями, в которых возможности реализации способностей молодежи как социального слоя выступают до определенного момента как производные от уровня и характера развития государства, бизнеса и гражданского общества.

В современной России сложилась противоречивая ситуация в соотношении указанных зависимостей. В частности, в условиях прогрессирующего социального неравенства, экономической, идейно-мировоззренческой дифференциации, атомизации общества и, как следствие, разобщенности молодежи (что проявляется, например, в многообразии направленности форм поведения, вплоть до появления крайне деструктивных, экстремистских форм борьбы за поправную социальную справедливость) объективно актуализируется проблема соотношения в воспроизводственном социокультурном процессе прогрессивных и регрессивных тенденций. А именно: будет ли воспроизводство имеющихся тенденций с помощью задействования того или иного вектора потенциала молодежи направлено на конструктивное, созидательное действие, на деструктивное, разрушительное, или породит социальную апатию и аномию, что зависит не только от способности молодежи выбирать собственную жизненную позицию, но и от того, насколько богат, гармоничен, или, напротив, искажен набор

---

¹ Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221> (Дата обращения 21.08. 2017)

предоставляемых обществом вариантов выстраивания персональной или групповой коллективной стратегии для самореализации¹.

Экономическое и социальное неравенство в уровнях развития, социальных показателях и бюджетной обеспеченности регионов (субъектов) современной России, относительно увеличение числа тех из них, для которых характерны признаки депрессивного типа развития, приводят к тому, что, по справедливому замечанию М.И Голубовой и Л.З Бзасежевой, «концентрируют в своей внутренней среде различные рискогенные факторы и обладают механизмами их воспроизводства и закрепления в нормах права, традициях, контрактах и способах поведения». [1,с.65]. Именно в этой связи указанные выше «Основы государственной политики регионального развития...» в качестве одного из условий и факторов регионального развития, оказывающих влияние на формирование и реализацию этой политики современного российского государства, называют «значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов, неравномерное размещение производительных сил и расселение населения по территории страны». Для социологических целей это, на наш взгляд, означает, что исследование возможностей молодежи в воспроизводстве социокультурного потенциала российских регионов (или, например, их потенциал в рамках известных Федеральных округов) обуславливается установкой на выявление специфических характеристик региональных ресурсов разного рода, и тем фактом, что, в свою очередь, от качества этого ресурсного потенциала, его структурированности и способности к развитию зависит человеческий капитал и реальный взнос социально-креативного характера, который, при удачном стечении обстоятельств и целенаправленной политики властей способен привести молодое поколение и в развитие каждого из регионов, составляющих Россию как федерацию, и в приращение благосостояния нашего общества в целом.

Соотношение понятий «молодежь», «потенциал» и «воспроизводство» является объектом постоянного внимания ученых, политиков, исследователей проблем управления в современной России. Причиной тому является не столько специфика молодежи как социодемографической группы, со свойственными данной социальной возрастной группе (18-29 лет) особенностями, сколько функциональный набор способностей, присущих подрастающему, ищущему себя в мире, самоутверждающемуся молодому поколению, и придающих ей так или иначе признаваемый остальным обществом (хотя и не всегда адекватно оцениваемый) особый статус. Исторически сложившаяся

---

¹ Об этом важном аспекте молодежной проблематики написано немало научных трудов, но до последнего момента остается преобладающим тот тон в оценках, который задан был во многом позицией А.С.Ахиезера и его тезисом об «архаизации» пореформенного российского общества – см, в частности. [2.Ахиезер]

двойственность молодежи – одновременная, «параллельная» объектность и субъектность (отзывчивость на управленческие воздействия со стороны старших поколений и, вместе с тем, способность к самореализации в результате собственной активности – сознательной, рациональной, самодеятельной) выводит на первый план те её социальные функции, которые выражают способность молодежных когорт быть более склонной к инновационным, модернизаторским и революционным позывам и тенденциям, вплетенным в общественную ткань в каждый конкретный исторический момент и в каждом исторически определенном месте, отвергая при этом социальный конформизм, стремление к материальному благополучию и мещанство. Эти амбивалентные характеристики молодежной среды почти афористично сформулированы немецким философом, социологом К. Мангеймом: «Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность». Ему же принадлежит обнаруженная зависимость между общественным развитием и возможностями молодежи: кем, как, насколько эффективно используется этот ресурс (молодежь), «зависит каждый раз от характера и социальной структуры данного общества». Согласно мнению ученого, молодежь до начала своей активизации представляет скрытый резерв, выполняя, фактически без рефлексии, латентно, неосознанно, функцию обновления. «Особая функция молодежи, – утверждает К. Мангейм, – состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам». [См. подробнее: 2.]

В контексте условия и факторов развития современной России представляется методологически важным приведенный в работе К. Мангейма анализ молодежи, как потенциала (который всегда есть «ресурс», «резерв»), в зависимости от типа общества, в котором этот потенциал получает право на существование. Традиционные, «статичные», «медленно» и незаметно изменяющийся общества отличаются от динамических, меняющихся «быстро» и даже «стремительно», в том числе и по тому, как задана в них среда, факторы формирования, аккумуляции и раскрытия потенциала подрастающего поколения, от которых зависит и степень, и успех интегрированности молодежи в воспроизводственные процессы современных ему социальных порядков. Понятно, что социологическая наука должна искать современные способы и инструменты интерпретации социальной реальности, но нередко и, казалось бы, позабытые методологические принципы и концепции вполне актуальны для предметов, казалось бы, вполне современных.

В научной литературе имеется достаточное количество определений потенциала (в том числе и применительно к обществу), раскрывающего содержательные стороны его категориального аппарата («ресурс», «резерв», «капитал», «возможности», «способности», «средства» и др.) и результаты

анализа понятийных и смысловых соотношений. Удачную, на наш взгляд, наиболее обобщенную, в чем-то собирательную трактовку предлагает Е.А. Резанович. Согласно его интерпретации, потенциал «обуславливает возможность его рассмотрения как средств, способностей, запасов, источников, ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения какой-либо задачи» [3], но, как верно указывает Л.М. Галиев, с учетом различных временных модусов: прошлого («ретроспективный потенциал» как ресурс), настоящего («исходный потенциал» как резерв) и будущего («перспективный потенциал» как основа для будущего развития). [4] На наш взгляд, эти различия имеют существенный характер, однако могут быть дополнены, - например, с точки зрения модусов субъектной позиции, из которых раскрывается потенциал, набора объектно-целевых характеристик, ради которых потенциалу, так сказать, имеет резон раскрываться, а также сочетания обстоятельств, способствующих или препятствующих раскрытию потенциальностей разного рода.

Следует отметить сформировавшиеся в современной науке основные теоретические подходы в исследовании приложения понятийного содержания категории потенциала как к экономическому (первоначально), так и социологическому (впоследствии) процессу: различая системный, деятельностный, ресурсный, возможностный («на основе возможностей» как считал Амартия Сен)¹, активистко-деятельностный или, напротив, «пассивизирующий», сдерживающий действие, мы тем самым избираем не только исследовательскую позицию и соответствующие ей парадигматические установки, но и создаем трактовки и интерпретации, способные к приращению уже имеющего знания или его дискредитации.

Являясь наиболее общим понятием для объяснения нераскрытых возможностей, потенциал, как некая категориальная целостность применительно к субъекту, состоит из совокупности конкретизированных количественно – качественными показателями, присущих различным сферам жизнедеятельности человека и, вместе с тем, социальных групп, сфер общественной жизни - экономической, социальной, культурной, духовной и др.. По словам О.И. Иванова, четкое определение границ предметной области, в частности, человеческого потенциала связано с тем, что к «человеческому потенциалу страны, государства, общества относят социетальные компоненты» такие, как например, «культуру, систему образования, различные социальные организации, разнообразные материальные и духовные продукты человеческой деятельности». [5] Это означает, что выступая методологически объясняющим принципом для определенных аспектов социальной реальности, потенциал

---

¹ См.: Сен, Амартия «Товары и возможности» («Commodities and Capabilities», Amsterdam, 1985). – См. определенную эволюцию его позиции в [8].

способен становиться специальным предметом исследования – особенно в его человеческих воплощениях, несводимых к природным основаниям человеческого бытия или, например, к витальности и, связанной с ней воле, к властному самоутверждению в мире других людей.

Потенциальность социальных групп и слоев, поколенческих когорт и разного рода стратов и измерений социальной реальности далеко не всегда увязывается исследователями с территориальным распределением власти, общественного богатства и гражданских коммуникаций. Между тем, наблюдается явная взаимосвязь и взаимозависимость между потенциалом молодежи на территориях отграниченных частей России и социокультурным потенциалом того или иного «странообразующего» региона. Так, социокультурный потенциал региона должен находиться в постоянной динамике, опережая спрос потребителя (и в особенности молодежи) на те или иные виды социально значимых товаров и услуг, становясь механизмом (фактором) не только формирования, но и кумулятивного раскрытия потенциала присутствующей на территории молодежи. В свою очередь, качественно-количественные характеристики молодежи, сформированные и аккумулярованные в условиях совершенствования условий для раскрытия социокультурного потенциала конкретного региона как некой целостности, определяют степень и возможности данного «места, населенного людьми», не только производить товаропотоки или наборы услуг, являя наблюдателю имеющийся здесь и сейчас продуцирующий «дополненную реальность» потенциал, но вместе с тем открывающий средства и способы именно воспроизводить (в значении «самостоятельного» и «самовозобновления») системные качества и совокупные возможности региона как социальной системы наряду с другими и вместе со страной как целым.

Одним из ведущих факторов в воспроизводстве качества жизни (и в этом отношении - социокультурного потенциала) регионов является институт «воспитывающего» образования, способный развивать не только профессиональные потенциалы, приходящих на смену старшим, молодых поколений, но и склонности другого рода, отображающие степень интереса молодежи к окружающим их условиям социальной и политической жизни. С учетом того, что ни в одном обществе пока не имеется социального института, альтернативного образованию по выполняемым функциям, именно среднее и высшее образование призвано обеспечивать воспроизводство и наращивание интеллектуального, научно-технического потенциала, подготовку квалифицированных кадров, воспроизводство социальных групп и слоев как носителей не только профессиональных (на и уровне умений и навыков), но и социальных (гражданских) и, вместе с тем – и духовных ценностей, просвещенности и гуманности, то есть того, без чего невозможно формирование капитализируемого, способного приращивать общественные

блага и (потенциально) способного при этом к самосовершенствованию человеческого ресурса.

Человеческие ресурсы любой страны не сводятся к сумме потенциалов образующих ее граждан. Человеческие ресурсы и их потенциальность в регионах, образующих Российскую Федерацию, вряд ли могут быть адекватно оценены и измерены лишь с точки зрения их инвестиционных возможностей. Даже сама идея проектного управления страной и применения к ее социальным сферам методов программно-целевого и планово-прогнозного подходов предполагает, помимо прочих условий, определенную степень взаимопонимания и солидарности между теми, кто образует т.н. «управляющий контур», и «когортами управляемых», различающихся между собой, в том числе, и по степени зрелости (мере взросления). Отсюда, на наш взгляд определенно вытекает необходимость так корректировать государственную политику в отношении молодежи, чтобы последняя не ощущала неудобства и неприязни к существующей власти. Если властные структуры, институты и деятели, как кажется молодежным лидерам или представителям молодежных субкультур, не дает достаточных шансов для раскрытия и применения тех или иных потенциалов, вызревающих в молодежной среде, то эти невыраженные или непригодные для общественного применения потенциалы способны не только накапливаться, но и перерождаться, превращаясь в силу, способную стать угрозой существующим общественным и властным порядкам.

Существенным социальным фактором является возможность обмена потенциалами между составляющими страну частями, равно как и внутри этих частей. Наиболее ощутимы последствия так называемой модернизации в контексте воспроизводства потенциала региона за счет миграции лучшей, более адаптируемой, успешной категории молодежи по схеме «село (деревня) - областной центр», «город - столица – зарубежье». В том, что эта жизненная схематика стала угрозой и собственному развитию регионов и социально-экономической жизни России в целом, сыграли свою негативную роль, помимо прочего, и разрушение системы региональной отраслевой науки, некоторое время назад воспроизводившие из числа местной молодежи местную, региональную, национальную научно-образовательную элиту, способную при этом брать на себя ответственность за развитие страны и места, оцениваемого как «свое» или даже «родное».

Между тем, возникший и поддерживаемый властными структурами приоритет экономических интересов над социальными породил в современной России неподдельный интерес бизнес-кругов к системе образования, условия в буквальном смысле «охоты» за интеллектуально одаренными детьми и молодежью. Создавая особые условия для научных занятий и реализации результатов своих научных достижений в прикладных сферах извлечения максимальной прибыли, российский бизнес в части его социально-безответственного контингента подчас лишает некоторые регионы

собственного научного потенциала на многие годы вперед. Немаловажное значение имеет и продвижение идеи о столичных возможностях, только, якобы, и способных действительно обнаружить и раскрыть разнообразные потенциалы продвинутой в том или ином отношении части молодежи, отбраковывая тех, чья судьба – становится изгоем и маргиналом. Таким образом, как нам кажется, осуществляется не вполне целесообразная с точки зрения государственного интереса и национальной безопасности селекция молодого поколения, которое уже сегодня в определенной степени определяет качественный состав населения регионов, их социокультурный, образовательный, гражданский и экономико-инвестиционный облик, степень пригодности и качество воспроизводящего социокультурного потенциала территории проживания [6].

Казалось бы, в любом относительно замкнутом и в той же мере относительно открытом социальном пространстве эмиграционные процессы должны естественно и разумно восполняться иммиграционными. Однако, как показывает в том числе и российская практика, различия в том, что составляет социокультурный потенциал регионов, соответствии среды формирования человеческого потенциала молодежи ее ожиданиям, а также сомнениям и претензиям в адрес власть предержащих, вносит напряженность в миграционные процессы, делая неравнозначными существующие категории мигрантов, в том числе и внутренних, с точки зрения их потенциальной пригодности для развития той или иной части страны и страны как целостности. Поэтому, и в России, и в мире нередко складывается ситуация, когда ни столицы, ни региональные городские агломерации, ни локальные поселения городского и сельского типов не имеют возможности воспроизводить свой сложившийся и способный к развитию социокультурный потенциал исключительно за счет миграционной (способной к смене места жительства, приложения трудовых компетенций и стратегических жизненных ожиданий) составляющей современной российской молодежи, что в условиях советского времени обеспечивалась за счет распределения молодых специалистов в регионы, а сейчас по большей части пока еще отдано на откуп стихии.

Труд, приложение трудовых процессов к месту проживания и пребывания человека, труд на благо общество, трактуемый в экономическом смысле, прежде всего как экономико-политическая категория, в рамках поднятой нами темы, требует прежде всего социологического осмысления, в том числе в ракурсе политикоэкономического измерения современных трудовых процессов. Труд людей, наряду с природой, является по-прежнему источником общественного богатства, его приращения или его нерационального «промотания». В этом своем классическом, но вполне современном понимании, труд выступает как источник профессиональной и личностной самореализации, социального лифта, объективного критерия доступного уровня жизни, условия сознания персонального и группового социального самочувствия, - одним словом, тех факторов и условий социальной жизни,

которые в совокупности сформируют человеческий потенциал групп, слоев и социальных классов (в том числе молодежи как способа бытия человека в указанных социальных модусах). Поэтому, возможности молодежи воспроизводить социокультурный потенциал региона, равно как и набор существующих в данном конкретном регионе возможностей для восприятия, применения и развития данного генерируемого молодежной средой потенциала, как системы явных, скрытых и неизвестных возможностей обусловлены не только, к примеру, востребованностью молодых специалистов на субнациональном рынке труда в соответствии с полученной квалификацией, но и созданием условий для реализации социальных функций труда, – тех, из которых рождается идея социальной справедливости, демократии и хорошего (разумного) управления. В противном случае, при том, что возможности молодых поколений никому не важны и неинтересны, не выявлены и не выпестованы в интересах общего блага или хотя бы приращения общественного богатства, потенциал молодежи может быть реализован политически, социально и ментально в деструктивных моделях поведения, что особенно опасно в условиях всевозрастающих социальных рисков (последствий) в связи с ускоренными темпами развития современного мира, переходом нашей страны к цифровой экономике, роботизации и иным постиндустриальным формам организации общественного труда и социальных порядков.

Нет сомнения в том, что проблематика, связанная с потенциальностью человеческого существования, с теми особенностями формирования и актуализации проблемного поля, которые возникают в связи с темой нереализованных возможностей, скрытых ресурсов и латентных предрасположенностей, способных реализовываться в организованных и/или институционально заданных общественных порядков, является важной и многоплановой, и ее всестороннее рассмотрение способно определенным образом прирастить концептуальную базу современного управления политическими, экономическими и социальными процессами в нашей стране. Немало можно извлечь и из тех трактовок процессов социального-экономического развития, которые вытекают из понимания особой значимости научного, всестороннего и системно организованного описания, теоретического моделирования и объяснения процессов, протекающих в сфере регионального развития России. При этом, по нашему мнению, всякая попытка совместить в научном дискурсе регионалистику и ювенологию, открывающая новые аспекты вполне традиционной для социологии и других наук темы разумной молодежной политики со стороны участников соответствующих процессов может оказаться вполне востребованной практикой современного государственного строительства в России. Полагая правильным оценить представленный материал как возможную предпосылку более глубокого изучения поставленной проблемы, считаем возможным обозначить в качестве выводов следующий набор утверждения:

объективная устремленность молодежи в будущее не делает ее наследником прошлого автоматически: освоить совокупность выработанных человечеством богатств – непростая, трудовая, практическая, но и критическая задача;

потенциальность молодежи всегда неопределенна, если не определена образом жизни, институционально и идеологически: ее склонность к переменам, стихийная, направленная или управляемая, не стоит переоценивать;

«вопрекизм» молодых когорт, нонконформизм и в то же время некомфортное состояние ожидания будущих благ делает ее склонной к экстремальному эпатажу, равно как и к намеренному сибаритству и желанию мещанинских прелестей. Единственное, в чем пока не замечена российская молодежь – так это к склонности вкусить «свинцовые мерзости деревенской жизни»;

социокультурная идентичность российских регионов не может быть самоцелью, ее ограничения федералистскими интенциями российской Конституции в то же время не могут исключать таких тенденций в действиях власти, в которых стратегические интересы страны в целом реализуются через создание ситуаций управляемой напряженности и даже элементов конкурентности во взаимоотношениях регионов;

возможности молодых поколений составляют своего рода предпосылку и условие для определения стратегических перспектив регионального развития России в целом и составляющих ее субъектов

Молодежь в совокупности открытых для нее субъектных позиций в отношении перспектив регионального развития – не просто важнейший ресурс для реализации планов власти, бизнеса и гражданского общества, поскольку от ее структурирования на этапе становления и социализации, приобщенности к культурной традиции и инновативной практике, от освоения ею способов заключения альянсов и манеры разрешения конфликтов зависит, в определенной степени (а может быть, и в конечном счете) структурная динамика развития нашего общества и его место в мире в сравнительно долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Голубова М.И., Бзасежева Л.З. Функции воспроизводства в региональных локализациях оздоровительного профиля: депрессивный тип экономической системы. Вестник АГУ. Выпуск 1. (138), 2014. С. 64–68.]
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв.ред. сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
3. Реанович Е.А. Смысловое значение понятия «потенциал» Экономические науки. Декабрь 2012 / <https://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/>

4. Галиев Л.М. Исследование понятия «потенциал» и «социальный потенциал» в социологии. <http://lib.znate.ru/docs/index-288843.html>
5. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПрЭ РАН. СПбГУ. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с
6. Салахутдинова Р.Х. К вопросу об институциональных функциях в контексте глобализации образования. Социальная стратегия российской системы образования: Материалы международной научной конференции – Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений, 14–15 апреля 2011 г. / Отв. ред. А. В. Воронцов. РГПУ им. А. И. Герцена, СПб. С.122 – 124. - 432с.
7. Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики / Мир России. 1995, № 1.
8. Сен, Амартия. Идея справедливости [Текст] / Амартия Сен; пер. с англ. Д.Кралечкина; науч. ред. перевода В.Софронов, А. Смирнов. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.